

Варианты «народного» храмостроения на территории Ингушетии как проявление религиозных контаминаций в архитектурном формообразовании храмов

В.В. Пищулина

*Научно-исследовательский институт теории и истории архитектуры и градостроительства (филиал ЦНИИП «Минстроя России», г. Москва;
Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону*

Аннотация: Статья посвящена сравнительному анализу архитектурных особенностей сакральных комплексов галгай-че XIII-XIV вв. на территории Ингушетии. В контексте природно-пространственного расположения рассмотрены проявления религиозных контаминаций в пространственной организации и внешних формах «народных» храмов. Выявлена самобытность вариантов «народного» храмостроения. Выявлены особенности храмов, характерные для позднего несторианства. Данный метод для исследования сакральных комплексов Ингушетии применяется впервые. Научная новизна статьи обусловлена тем, что комплексное исследование планировочных, объемно-пространственных решений и строительной техники храмов позволяет подтвердить их датировку и атрибуцию, установить хронологическую близость памятников.

Ключевые слова: народное храмостроение, архитектура Средневековья, традиционная архитектура вайнахов.

Целью статьи является определение проявлений религиозных контаминаций в пространственной организации и внешних формах «народных» храмов и сакральных комплексов галгай-че.

Задачи: выявление особенностей церемониального характера; определение влияния традиционной культуры галгай-че и несторианства на «народное» храмостроение; анализ архитектурных особенностей храмов.

В период XIII-XIV вв. на территории Северного Кавказа сформировалось несколько видов религиозных контаминаций мировоззрения и, соответственно, несколько регионально-этнических вариантов христианской архитектуры: в Ассиновской котловине на территории Ингушетии, в Алагирском, Дигорском и Куртатинском ущельях на территории Осетии, на территории Балкарии, в предгорьях Северного Кавказа в местах проживания татаро-монгол. Наиболее яркие проявления

религиозных контаминаций можно констатировать именно в пространственной организации и внешних формах «народных» храмов. Самобытность вариантов «народного» храмостроения определяется в большей степени характером привнесения в него черт традиционной культуры, однако в данном случае на её формирование в значительной степени повлияли существующие на данной территории христианские культуры различных направлений: православия, католицизма и несторианства. На фоне отсутствия сильной государственной власти и государственной религии и сформировались указанные выше религиозные контаминации мировоззрения и регионально-этнические варианты храмовой архитектуры.

Особенности церемониального характера у ингушских храмов подробно описаны В.Ф. Миллером [1] и Б. Далгатом [2] в XIX в. и Б.А. Алборовым в 1920-е гг. [3]. Несмотря на поздний характер записи, они сохранили в себе черты христианской обрядности. Например, праздник Галь-Ерды отмечался в месяц Ганцхой, на Красную горку. У храма резали коз, по одной от каждого дома. Зажигали восковые свечи собственного изготовления, также по одной от каждого дома. В определенный день каждый отец семейства садился на камень близ своей ниши, в которую клал жертвоприношения. Во второй раз празднование состоялось приблизительно на Троицу, в месяц Этинг. К храму приводили жертвенное животное – корову – и здесь закалывали. Корову покупали только жители селений Терш, Бегании, Эгенты и Хули. Вместе с коровой резали козла, которого приводили жители остальных селений. Из коровы делали шашлык. Кроме того, от каждого дома приносили по одной треугольной лепешке и по три хлеба. На этих лепешках в центре и по углам делали штампованные изображения. Священнослужитель после молитвы брал треугольные лепешки и вырезал изображения в центре, которые бросали на пол храма. После этого он

разламывал лепешки и раздавал всем присутствующим. Лепешка запивалась аракой или пивом, принесенными в храм жителями до молитвы. Во время молитвы присутствующие стояли с непокрытыми головами, на молитву допускались только мужчины. При молитвенных возгласах священнослужителя присутствующие произносили «Оччи!». Внутри храма входил только священнослужитель. Все присутствующие на молитве стояли у входа, лицом к нему, т.е. по направлению к престолу, на восток. После молитвы садились вокруг храма в пределах ограды и трапезничали – ели лепешки, шашлык, пили араку. Церемония у храма, а также содержание молитвы во многом сходны с христианской обрядностью. До молитвы было шествие от одного храма к другому. Напротив Галь-Ерды, на южном склоне горы, было второе святилище с каменной оградой; в настоящее время оно сильно разрушено [3].

На основе сопоставительного анализа записанных обрядов исследованием установлено, что храмовое зодчество Ингушетии представлено не отдельно стоящими храмами, а сакральными комплексами, всегда включающими в себя три объекта поклонения, посвященных Сели, Дяла или Ерды и Тушоли. Церемонии носили различные названия и проводились в соответствующих сакральных комплексах, но действие всегда происходило одно и то же. Например, празднество Мят-Сели (Мятцели) совершалось в особый воскресный день месяца Мятцели-бут, во второй половине июня, приблизительно на Троицу. В субботу утром богомольцы соседних обществ собирались у подножия горы и отправлялись к самому главному, высокорасположенному храму Мятцели. С собой вели жертвенного бычка трёх лет с белой материей на рогах. Помимо этого, от каждого дома приводили по барану. У Мятцели бычка приносили в жертву те, у кого родился мальчик в этом году. Остальные танцевали религиозный танец и молились. По окончании церемонии священник в белом одеянии

(символ чистоты) выносил из храма длинный деревянный крестообразный шест, на конце которого были прикреплены медные колокольчики и флаг из белой материи. Богомольцы клали в ниши деньги и металлические предметы. В главном храме было 14 ниш – по числу патронимий ингушского народа [3, с. 356]. Затем священнослужитель возвращался в храм, молился там, а остальные стояли у входа со свечами в руках. Свечи предварительно зажигал в храме священнослужитель. По окончании молитвы, когда догорали свечи, он бросал из двери храма хлеб и мясо, а народ ловил их. После этого мужчины отправлялись к Дэлите. Там происходила аналогичная церемония. Затем возвращались к Мятцели и бросали женщинам хлеб. Кто из них поймает его, та родит сына. К третьему Тушоли направлялись только священнослужитель, женщины и дети, которые несли туда куски жертвенных барашков. У храма проходила аналогичная церемония. Затем все возвращались к Мятцели и устраивали там танцы. К вечеру расходились по домам, а священнослужитель ставил шест Мятцели на свое место в храм. Интересна церемония, иногда проводимая около храма Тушоли (в переводе «дева-мать»). Тушоли изображалась в виде женщины с ребенком на руках и голубем. Храм Тушоли посещался, как в рамках церемониального посещения трёх храмов, описанного выше, так и отдельно. Праздник Тушоли совершался в последнее воскресенье месяца Тушоли. К празднику в честь Тушоли каждое семейство готовило особые хлебы и особую свечу, а также особого жертвенного барашка, носящего название «барашек сына». К храму шли только женщины и дети. Женщины пели песни и просили у Бога и Тушоли детей. Затем проводилось моление, аналогичное описанному у Галь-Ерды, заклание жертвенного животного и трапеза с употреблением пива, араки и лепешек, предварительно освященных в нишах храма [4].

В объемно-пространственных композициях храмов Ингушетии, прежде всего, много черт, обусловленных дохристианской мифологией,

---

традиционной культурой. Это, во-первых, наличие в храме, рядом с ним или в составе комплекса столпообразного монумента – символической принадлежности родового божества. Однако расположенный в алтарной части храма столпообразный монумент имел на своей поверхности прямоугольные и с полуциркульным завершением ниши, в которые ставили свечи и предметы церковной утвари. Обычно в стенах храмов – святилищ имелись тайники, иногда по нескольку. Они представляли собой небольшие каналы, изгибающиеся под прямым углом. Размер отверстий был достаточен, чтобы по каналу свободно двигалась рука. Располагались тайники над входом, в арках, в алтарной части и в других местах. Во многих тайниках, как указывалось выше, найдены кресты, церковные книги, канделябры и другие принадлежности христианского ритуала.

В Ингушетии, в бассейне реки Армхи и верховьях реки Ассы сохранилось около двух десятков храмов. Рассмотрим наиболее характерные храмы. Храм Галь-Ерды расположен на вершине крутой горы, на правом берегу реки Армхи; гора носит название «Тушоли-те», у подножья её расположен аул Шуан. Вблизи храма находятся развалины больших жилых башен. Наружный обмер стен храма: южная – 5,40 м, северная – 5,07 м, восточная – 4,10 м, западная – 3,83 м. Стены сложены из дикого камня довольно тщательной обтески с хорошей подгонкой; иногда кладка имеет регулярный характер. Стены заканчиваются карнизом, по форме очень примитивным, но имеющим некоторое сходство с карнизом Тхаба-Ерды.

Крыша односкатная, из шиферных плит, с наклоном с юга на север; она сохранилась лишь в восточной части. Стены покрыты толстым слоем штукатурки охристого тона. Дверь устроена в южной стене и расположена ближе к западному её концу; верх двери заканчивается полуциркульным сводом. Ширина и высота двери увеличиваются внутрь. Над дверью на высоте 0,30 м в стену вделана плитка, выступающая за пределы стены и

служащая как бы навесом над дверью, подобные плитки устраивались над лазами в жилых башнях, например, в ауле Эрзи. В этой же южной стене – два небольших квадратных отверстия, выходящих внутри в одну общую нишу окна. В западной стене – узкое окно с расширением внутрь. Храм внутри делится двумя арками на три неравные части. В арках, не примыкающих к северной стене, на высоте 0,82 – 0,87 м имеется по одной нише, на этой же высоте с алтарной стороны в арке имеется ниша с тайником. Восточная и западная стены также имеют ниши с тайниками. В западном тайнике в 1928 г. экспедицией Ингушского института краеведения были найдены различного рода церковные сосуды. Стены и арки внутри покрыты штукатуркой белого цвета. Пол храма – ниже уровня земли и отделяется высоким каменным порогом двери. На принадлежность к христианству указывает и каменная плита у стены алтаря с двумя небольшими нишами, одна над другой. Плита и ниши изначально могли служить чем-то вроде иконостаса, а впоследствии в ниши складывали дары в виде денег, ваты и продуктов [5, с. 421 - 423].

Храм **Маги-Ерды** хорошо сохранился, имеет двускатную кровлю. В плане он представляет собой четырехугольник – западная и восточная стены его по 3,97 м, северная – 10,34 м, южная стоит над обрывом и недоступна для обмера и обзора. Высота здания от уровня земли до конка крыши составляет 4,52 м. Высота стен до первого уступа и покрывающих его плиток – 1,90 м. Стены сложены из дикого, хорошо отесанного крупного камня на прочном известковом растворе. Некоторые ряды состоят из горизонтально уложенных, а другие из вертикально поставленных камней. Стены и уступы густо обмазаны штукатуркой бледно-желтого цвета.

Дверь расположена в западной стене, со смещением к северу. Ширина и высота двери увеличиваются внутрь. Над дверью выполнено полуциркульное завершение. Дверь запиралась на большой засов, двигавшийся в глубоком канале в толще стены. Чуть выше двери, снаружи,

---

справа и слева от неё в стене устроены две небольшие ниши. Над ними, ближе к середине стены – узкое окно-щель, над которым справа и слева видны следы вделанных здесь некогда рогов, судя по остаткам черепа, турьим; между рогами еще одно узкое окно.

Вдоль северной наружной стены, у основания идет выступающий ряд крупных камней, служащих сиденьем во время трапезы. Ширина сиденья – 0,57 м, высота – 0,40 м. В самой стене, над сиденьями, устроено 9 прямоугольных ниш разной величины, при этом четыре ниши меньших размеров расположены под самыми плитками первого уступа крыши, остальные – несколько ниже, в два ряда. В восточной стене, с отклонением от продольной оси здания, устроено узкое окно с расширением внутрь. Южная стена имеет четыре окна, расположенных вдоль всей стены почти на равном расстоянии друг от друга. Ширина окон снаружи – 0,10 м, внутри 0,53 – 0,35 м, высота – 0,7 м. Окна сверху перекрыты горизонтально положенными, тонкими каменными плитками. Штукатурка с этой стены почти вся осыпалась, обнажившиеся камни имеют темно-коричневый цвет.

Внутри храм делится выступающей от самого основания остроконечной аркой на две равные части: восточную и западную. Стены вертикальны до двух метров, затем постепенным напуском камней образуется ложный свод. Арка начинает описывать кривую от самого основания, пилястра выступает на 0,37 м от стены. Пролет её у основания – 1,95 м, высота – 3,37 м. На северной и южной стенах на различной высоте также расположены 9 ниш. Некоторые имеют тайники, отверстия других частично закрыты плитками. Поперек храма на разной высоте протянуты балки. В восточной половине идут семь балок в четыре ряда, из них сохранилось всего пять. В западной половине балки идут в три яруса, в количестве семи, сохранились все. В арке, на высоте 2,56 м, также протянута

балка. Балки имеют круглую форму и темную окраску, доходящую местами до полной черноты. В верхней части потолок сильно закопчен.

В восточной части храма стоит престол призматической формы, сложенный из камня и покрытый штукатуркой. Престол расположен на расстоянии 2,09 м от восточной стены, 1,15 м – от южной стены, 0,85 м – от северной стены, таким образом, ось престола несколько отклоняется от продольной оси храма. Его размеры: высота – 0,95 м, основание – 0,77 x 0,72 м. Между престолом и восточной стеной в северном углу – возвышение, образуемое скалой. Северная стена, приближаясь к западной, делает внутри крутой изгиб, как и в Галь-Ерды. Внутренний обмер: длина – 8,95 м, ширина – 2,56 м, высота – 4,32 м. Пол покрыт слоем известкового раствора. К северной стене примыкает выровненная площадка. Она окружена каменной оградой, сложенной из крупных камней на извести. В западной части ограда примыкает к скале и идет на север, затем поворачивает на юго-восток. В восточной стене ограды устроена ниша. По свидетельству местных жителей, ниша служила местом, куда ставился сосуд с пивом и клали лепешки во время богослужения. Высота ограды местами достигает 1,50 м. В западной и восточной стенах ограды сохранились двери с полукруглым завершением. Двери запирались засовом изнутри [5, с. 419 - 421].

Храм **Дялите** расположен в ущелье «Галгай-че», выше аула Карт, на высоком и крутом холме, подъем на который довольно труден и утомителен. От храма открывается вид на все ущелье – внизу виден ряд аулов, вдали на востоке – широкое ущелье реки Ассы. Наружный обмер: 4 x 3,3 x 8,9 x 8,90. Ориентирован храм строго на восток. На южной стене снаружи устроены ниши: одна слева от входа (треугольная) и четыре справа (3 треугольных и одна прямоугольная). Вход в храм – с юга, ближе к западной стене. Дверь – деревянная из двух створок, открывавшихся внутрь и запиравшихся изнутри деревянным засовом, который ходил в канале, устроенном в толще стены.

Справа от двери, на высоте 1 м, устроена ниша (0,36 x 0,35 x 0,40 м.). Кровля двускатная, с 8 уступами. Общая высота сохранившейся западной стены достигает 4,35 м. Внутри храм делится арками на четыре части, при этом пилястра средней арки начинается от самого пола, а две другие сначала сливаются с поверхностью стены. Высота всех арок от пола – 2,60 м, они представляют собой стрельчатый ложный свод. Стены в углах, на высоте 2 м, выложены выступающими плоскими камнями, как в башенных сооружениях. В северной, южной и западной стенах устроено большое количество ниш, в некоторых местах они расположены в три яруса. Некоторые из них – с боковыми ответвлениями, тайниками, в которых хранились кресты, чаши и иной церковный инвентарь. В нишах без тайников стояли иконы и свечи, что можно утверждать благодаря той копоти, которая покрывает некоторые из них. Восточная стена алтарной части имеет оригинальное сооружение – столпообразный монумент, своеобразное горнее место. Столп сложен в перевязку со стеной. Размеры его основания – 0,98 x 0,18 м, постепенно кверху столп сужается и заканчивается фаллической шишкой. В лицевой стороне столпа устроены три ниши: нижняя, четырехугольная, расположена ближе к северной стене. Средняя ниша, самая большая, со стрельчатой аркой отделяется от нижней одним плоским камнем толщиной 0,30 м. Высота этой ниши – 0,90 м, ширина – 0,54 м, глубина – 0,40 м. На задней стене ниши, под самым верхом высечен простой четырёхконечный крест. Верхняя, третья ниша тоже имеет отверстие стрельчатой формы высотой 0,49 м и шириной – 0,39 м. Все три ниши носят следы копоти. Подобное устройство горнего места, как говорилось выше, напоминает католические алтари (что вполне возможно, если учитывать создание в этот период на Северном Кавказе многочисленных католических кафедр). Продольные стены при приближении к западной стене делают дугообразную кривую, так же, как в храмах Маги-Ерды и Галь-Ерды.

Внутренний обмер: 2,65 x 7,50 м. В центральной арке сделана дверь. Пол храма несколько ниже уровня земли и отделяется от наружного грунта высоким каменным порогом с двумя внутренними ступенями. По стенам и аркам сохранилась тщательно нанесённая штукатурка белого цвета [5, с. 416 - 418].

Храм **Дзорах-дэла** находится неподалеку от заброшенного аула Гадаборш. От него открывается обширный и красивый вид на Ассинское ущелье выше аула Пуй, ущелье Тхаба-чоч и все балки, отроги и скаты, покрытые густым сосновым и смешанным лесом. На горизонте видны заснеженные вершины Хевсуретии с остроконечными пиками. На севере тянется ущелье Галгай-че с замыкающим его Скалистым хребтом и величественным Цейламом. Ориентация храма – с юго-запада на северо-восток. Наружный обмер: 3,94 x 9,08 м. Стены сложены из плитняка, с выделением углов крупными камнями. Кладка небрежная. Кровля двускатная, с 12 уступами. На стенах и уступах кровли – следы штукатурки желтоватого цвета. Внутри храм делится поперечной стеной на два изолированных помещения. Стена эта одновременна храму, так как сложена в перевязку с его стенами. В ней, на высоте человеческого роста, устроено окно из одного помещения в другое, имеющее форму треугольника вершиной вверх, основание – 0,33 м., высота – 0,38 м; второе сквозное отверстие устроено у самого пола у южной стены, величина отверстия – 0,35 x 0,35 м. Внутренний обмер меньшего помещения: 2,86 x 1,93 м. В восточной стене – узкое окно с постепенным расширением внутрь, в этой же стене – две небольшие ниши. Вход в помещение – отдельный с юго-востока, проем завершён полуциркулярной аркой. Вторая большая часть храма имеет размеры: 8 x 2,70 м и делится двумя арками на три неравные части: 2,70 м, 2,08 м, 2,13 м. Арки стрельчатой формы выложены в технике ложного свода и начинаются от самого пола. Высота арок – 3,40 м, наружная высота храма

до конька крыши – 4,10 м. В пролете арок протянуто по одной балке, кроме того, в каждом отделении протянуто по две балки. В стенах имеется большое количество прямоугольных ниш: в юго-восточной стене – 9, в юго-западной – 4, в северо-западной – 13. Внутри сохранилась штукатурка белого цвета. Вход в храм расположен в южной стене западной части, проём имеет полуциркульное завершение. В юго-восточной стене снаружи устроены две ниши. В юго-западной стене – три небольших окна треугольной формы. К юго-восточной стене примыкает ограда полукруглой формы, напоминающая ограду Галь-Ерды. Кладка ограды аккуратная, сложена из такого же плитняка, что и храм.

Таким образом, можно выделить основные особенности храмового зодчества Ингушетии. К ним относятся: наклон продольных стен внутрь; членение внутреннего пространства поперечными стенами, пристроенными к продольным и образующими стрельчатые арки в технике ложного свода; соответствующее этой форме ступенчато-пирамидальное завершение кровли в характерной традиционной конструкции; поперечные деревянные балки, являющиеся одновременно и затяжками для продольных стен, и объектом для ритуального метания дротиков; наличие разнообразных вариантов столпообразных монументов; покрытие стен штукатуркой, желтой снаружи и белой внутри. В этих особенностях можно увидеть продолжение и развитие архитектурно-конструктивной системы, сформировавшейся в более раннем храме Ингушетии – Тхаба-Ерды. Интересны вновь возникшие детали – устройство каменных полочек для свечей в стенах, каменных крючьев для жертвенного животного, многочисленных тайничков и ниш в стенах храмов, а также каналов для запоров в дверях и окнах. Последние имеют одну особенность – они устроены так, что храм запирался изнутри, а не снаружи; это может свидетельствовать о присутствии в богослужении определенного обряда, связанного с изоляцией каких-то его участников в храме. Эта деталь

интересна ещё и тем, что внутренние запоры обнаружены нами в храмах этого периода и в Осетии, и не только в храмах, но и в склепах. Оригинальность некоторым храмам придают: отдельный вход в заалтарное помещение (храм Дзорах-Дяла); престол со ступеньками (храме Гурмт; такая деталь присутствует в армянских храмах, символизируя восхождение на Голгофу); устройство сквозных отверстий треугольной формы в поперечных стенах над арками (храмы Дзорах-Дяла и Тумгой-Ерды); устройство коробообразной ниши на уровне пола в восточной стене храма Тушоли в селении Лежг (являющейся, по-видимому, частью крипты).

Анализ особенностей пространственной организации показал следующее. Прежде всего, все храмы построены на основе одного и того же модуля, равного приблизительно 3 м. Учитывая расположение всех храмов на сравнительно небольшой территории, в основном бассейна реки Армхи, это представляется вполне реальным.

Вторая особенность – при явном сходстве и продолжении традиций объемных композиций первых христианских храмов в рассматриваемой большой группе одновременно построенных объектов нет вписанной апсиды, сформировалась тенденция к вытягиванию пропорций по длине плана с увеличением членений. Сопоставление планов позволяет констатировать сформировавшийся локальный вариант храмовой архитектуры. Если в Осетии храмы представляют собой упрощенные прямоугольные постройки, то в Ингушетии это значительные и величественные здания с ярко выраженной региональной стилистикой. Это обстоятельство заставило автора обратиться к поиску аналогов в провинциальном христианском зодчестве. Сопоставительный анализ выявил сходство с несторианскими храмами в Эфесе, Северной Месопотамии и Средней Азии. На возможность влияния несторианства на храмостроение Северного Кавказа (в отношении храмов Хазарии) в своей последней работе указал В.А. Кузнецов [6, с. 23].

тому же имеется материальный след существования несторианских общин на Северном Кавказе – в 1957 г. В Трусовском ущелье Грузии (непосредственно примыкающем к долине реки Армхи и Северной Осетии) обнаружена надмогильная плита с надписью сирийско-несторианским письмом 1326 г. Надпись дешифрована Г.Ф. Турчаниновым [7, с. 41 - 57]. Как уже указывалось ранее, несториане могли проникнуть на Северный Кавказ по Великому Шелковому пути ещё в раннехристианский период и организовать здесь свои общины, но, очевидно, эти общины не укрепились, иначе здесь сформировался бы локальный вариант несторианской архитектуры, как в Средней Азии и Месопотамии [8,9]. Однако рассматриваемый вариант регионального зодчества в Ингушетии появился не ранее XIII в. Сопоставление планов ингушских храмов с храмами несториан показывает явное сходство: прямая алтарная часть, вытянутость пропорций плана по длине, членение пространства арками не на три, а на большее число частей, устройство ниш, стрельчатые арки, треугольные щелевидные окна. Косвенно могут указывать на несториан и изображения людей в среднеазиатских халатах на фронте храма Тхаба –Ерды [10].

Но, исходя из исторических событий, несториане могли появиться на Северном Кавказе повторно, расселиться большой общиной в бассейне реки Армхи и в других регионах, поскольку несторианство несли с собой пришедшие с востока татаро-монголы.

В степях Предкавказья в период существования Золотой Орды сложился институт кочевых священников-несториан и что большое количество христиан-кочевников на этой территории способствовало созданию Сарайской епархии Константинопольского Патриархата в 1265 г [11].

Заключение

Таким образом, несторианство могло и должно было оказать значительное влияние на культуру народов Северного Кавказа в XIII – XIV вв. в сложившихся исторических условиях отсутствия у них до татаро-монгол сильной государственной религии, как это было в Закавказье и на Руси. Проникновение татаро-монгол в высокогорье, проживание их там и смешивание с местным населением подтверждается антропологическим анализом черепов в захоронениях [12,13]. Особенности обрядности несториан отмечали Г. де Рубрук и П. Карпини [14], и, возможно, черты этой обрядности нашли отражение в богослужениях горцев Северного Кавказа, дополняемых к тому же традиционной обрядностью. Подобное явление имело место и в несторианской церкви татаро-монгол. Неслучайно и совпадение основных планировочных характеристик несторианских храмов и храмов северокавказских горцев, в том числе, главной особенности – прямого оформления алтарной части в плане. Этим же можно объяснить и явные параллели между ингушским храмостроением бассейна реки Армхи и храмами Дигорского ущелья в Осетии, несмотря на то, что эти две территории значительно удалены друг от друга, чтобы говорить о соседских заимствованиях. Таким образом, можно высказать предположение, что всё «народное» храмостроение Северного Кавказа полосы Солнечных долин сформировалось в XIII в. под влиянием несторианства, но в некоторых регионах (Ингушетия и Дигория) оно было выражено сильнее, возможно, там произошло расселение несторианских общин.

*Исследование поддержано ФНИ Минстроя РФ и РААСН, № темы ЕГИСУ
НИОКТР 121111800203-0*

Литература

1. Миллер, В.Ф. Археологические экскурсии в горские общества Кабарды: материалы по археологии Кавказа. - М., 1888. - Вып. I. - С. 70 - 84.
2. Далгат, Б.К. Первобытная религия чеченцев: Терский сборник. - Владикавказ, 1893. - Вып. 2. - Кн. 2. - С. 1 - 92.
3. Алборов, Б.А. Ингушское «галъерды» и осетинское «аларды»: Известия ингушского НИИ краеведения. - Владикавказ, 1928. - Вып. 1. - С. 348 - 429.
4. Щерблякин, И.П. Архитектура древних ингушских святилищ // Известия ингушского НИИ краеведения. - Вып. 3. - Владикавказ, 1930. - С. 412 - 494.
5. Крупнов, Е.И. Грузинский храм «Тхаба-Ерды» на Северном Кавказе // КСИИМК. - М., 1947. - Вып. 15. - С. 116 - 125.
6. Кузнецов, В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. - Владикавказ, 2002. - 160 с.
7. Турчанинов, Г.Ф. Трусовская осетинская сирийско-несторианская надпись первой половины XIV столетия // Известия Северо-Осетинского НИИ. - Орджоникидзе, 1960. - Т. XXII. - Вып. I. - Сс. 38-49
8. Croufoot J. W. Early Churches in Palestine. - London, 1941.-49P.
9. Darrouzes J. Le Traite de transferts. Edition critique et commentaire // REB, 1984. – P. 1-14
10. Пищулина В.В. Христианские храмы Ингушетии Тхаба-Ерды и Алби-Ерды в истории архитектуры северо-восточного Кавказа // Архитектурное наследство, М., 2009, № 51, Сс. 49-61.
11. Пищулина В.В. Христианское храмовое зодчество Северного Кавказа VI-XV вв. Ростов-на-Дону: 2013. – 478 с.
12. Алексеев, В.П. К краниологии населения равнинных районов Кабардино-Балкарии: Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ // Нальчик, 1968. - Т. 25. - С. 178 - 182.

13. Алексеева, Е.П. Археологические памятники Карачаево-Черкесии. - М.: Наука, 1992. - 216 с.

14. Плано Карпини Д., Рубрук Г. История монголов. Путешествие в восточные страны. - М., 1997. - 462 с.

Referenses

1. Miller, V.F. Arxeologicheskie e`kskursii v gorskie obshhestva Kabardy: materialy` po arxeologii Kavkaza [Archeological Excursions to the Mountain Societies of Kabarda: materials on the Archeology of the Caucasus]. М., 1888. Vyp. I. pp. 70 - 84.
  2. Dalgat, B.K. Pervoby`tnaya religiya chechencev: Terskij sbornik [Chechen Primitive Religion: Terek]. Digest Vladikavkaz, 1893. Vy`p. 2. Kn. 2. pp. 1 - 92.
  3. Alborov, B.A. Izvestiya ingushskogo NII kraevedeniya Vladikavkaz, 1928. Vyp. 1. pp. 348 - 429.
  4. Shhebly`kin, I.P. Izvestiya ingushskogo NII kraevedeniya. Vyp. 3. Vladikavkaz, 1930. pp. 412 - 494.
  5. Krupnov, E.I. KSIIMK. М., 1947. Vyp. 15. pp. 116 - 125.
  6. Kuznecov, V.A. Xristianstvo na Severnom Kavkaze do XV v. [Christianity in the North Caucasus until the 15th century]. Vladikavkaz, 2002. 160 p.
  7. Turchaninov, G.F. Izvestiya Severo-Osetinskogo NII. Ordzhonikidze, 1960. T. XXII. Vy`p. I. pp.38-49.
  8. Croufoot J. W. Early Churches in Palestine. London, 1941. 49P.
  9. Darrouzes J. Le Traite de transferts. Edition critique et commentaire. REB, 1984. Pp. 1-14.
  10. Pishhulina V.V. Arxitekturnoe nasledstvo, № 51. М., 2009. pp.49-61.
  11. Pishhulina V.V. Xristianskoe xramovoe zodchestvo Severnogo Kavkaza VI-XV vv. [Christian temple architecture of the North Caucasus in the 6th-15th centuries]. Rostov-na-Donu. 2013. 478 p.
-

12. Alekseev, V.P. Ucheny`e zapiski Kabardino-Balkarskogo NII. Nal`chik, 1968. T. 25. pp. 178 - 182.
13. Alekseeva, E.P. Arxeologicheskie pamyatniki Karachaevo-Cherkessii [Archeological monuments of Karachay-Cherkessia]. M.: Nauka, 1992. 216 p.
14. Plano Karpini D. Rubruk G. Istoriya mongolov. Puteshestvie v vostochny`e strany. [History of the Mongols. A Journey to the East]. M. 1997. 462 p.